

И. В. Побережников

## ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ\*

Хорошо известно, что на протяжении последних десятилетий XX в. в исторической науке происходила смена ориентиров, получившая название «антропологического поворота». Ее следствием стал перенос акцента в исторических исследованиях на анализ собственно «человека-в-истории», его непосредственного опыта в историческом процессе, а также широкое использование методов, заимствованных из культурной антропологии, для изучения социокультурных представлений людей прошлого.<sup>1</sup> Несомненна продуктивность «антропологического» подхода при исследовании социальных трансформаций в истории.

Проблема социальных трансформаций в высшей степени многогранна: она охватывает перестройки социальных структур, практик, возникновение новых или обеспечение функционирования прежних групп, форм взаимодействия и поведения. Технологические, экономические, политические, социокультурные и прочие трансформации различной скорости, масштаба, сложности, направленности наполняют исторический процесс. Особое внимание ученых привлекают широкие исторические трансформации, составляющие наиболее важные вехи на пути человечества, такие как антропогенез, переход от присваивающей к производящей экономике, возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу (модернизация и постмодернизация) и др. Реформы, революции, распады и гибель социальных систем, являющиеся различными проявлениями социальных трансформаций, широко известны в ис-

тории. Именно они обыкновенно знаменуют ключевые моменты исторического процесса. При этом подобные трансформации в конечном итоге происходят не сами по себе, а в процессе и вследствие человеческих действий, как продуманных, так и, по большей части, неосознанных.

В ходе трансформаций социальные структуры формируются, «становятся» и поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися, в связи с чем их основы порой очень трудно выявить. Именно люди создают новые порядки, подвергают общество реструктуризации; новые общественные системы формируются как результирующая индивидуальных выборов и действий – реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых каждым конкретным членом общества.

Из этого следует, что в периоды широких исторических трансформаций возможность выбора у человека заметно актуализируется: именно в такие эпохи человек действительно превращается в актора и творца истории; контуры будущего общества, траектории его развития оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека.

Исторический процесс конструируется действиями людей, постоянно вступающих во взаимодействия. В связи с этим представляется, в целом, плодотворным теоретический подход, акцентирующий взаимодействие между индивидами, трактующий творение истории как реализацию индивидуальных стратегий взаимодействующих субъектов. Подобный подход встречается во многих работах, выполненных в рамках современной исторической антропологии, микроистории, так называемой исторической социологии (Ч. Тилли, Т. Скокпол, М. Манн и др.).

Одним из первых, как мне представляется, дал теоретическое обоснование данного подхода и впоследствии его апробировал в рамках фигуративной социологии Н. Элиас.<sup>2</sup> Ученый

<sup>1</sup> См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Шутова О. М. Тенденции антропологизации в современной историографии: история повседневности, устная и гендерная истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск, 2002. Вып. 1. С. 106–121.

*Побережников Игорь Васильевич* — д.и.н., зав. сектором методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)  
E-mail: [pober@r66.ru](mailto:pober@r66.ru)

\* Работа подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (госконтракт № 14.740.11.0209 «Человек в условиях социально-культурных трансформаций российского общества в XVII–XX вв.»)

<sup>2</sup> См.: Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. М.; СПб., 2001. Он же. Общество индивидов: пер. с нем. М., 2001; Также см.: Бродер Ш. Исход цивилизации: Элиас и современность // Между-

отвергал существование социальных объектов, имеющих постоянный и неизменный характер. Социальные структуры, по его мнению, представляют собой своего рода образы, которые непрерывно создаются и пересоздаются вследствие постоянно происходящих действий и взаимодействий. Эти образы развиваются во времени, при этом закономерности их развития являются обычно непреднамеренными и непредвиденными. Для обозначения этих образов Н. Элиас ввел понятие «фигурации» (т. е. социальные взаимосвязи, зависимости, сплетения), имея в виду, что фигурации — это сами социальные взаимоотношения, в которых люди «сплетены» друг с другом, и которые находятся в непрерывном процессе формирования и распада. Понимание фигурации углубляет предложенная Н. Элиасом метафора танца, представляющего собой непрерывное движение, плавное изменение поз, за которыми скрываются определенные смыслы, и которые позволяют идентифицировать сам танец. И в социальном мире люди тоже «танцуют» на общественной сцене, входят в социальные отношения, формы которых определяются нашими действиями, реакциями. Н. Элиас считал возможным применять понятие «фигурации» и к малым, и к большим сообществам (в последних цепочки взаимозависимости удлиняются, усложняются, становятся более разнообразными).

Признавая огромную значимость «человеческого» фактора в истории, не следует, однако, его абсолютизировать; необходимо помнить, что результирующая реальной истории обыкновенно заметно отличается от того, что планировали участвовавшие в ней субъекты (словами британского певца, поэта и композитора Джона Леннона: «Жизнь — это то, что происходит с тобой, пока ты оживленно строишь другие планы» (“Life is what happens to you while you’re busy making other plans”). Адекватно оценить «антропогенный потенциал» истории позволяет современная структурационная теория, которая ориентирует исследователей на анализ взаимосвязей между унаследованными социальными структурами (экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и

т. д.) и действиями исторических субъектов, наделенных волей и свободой выбора.<sup>3</sup> Сторонники структурационного подхода, таким образом, стремятся оценить вклад в конструирование исторического процесса как структур, так и социальных действий, гармонизировать взаимодействие этих фундаментальных социальных факторов, замкнув их в своего рода логическом цикле структуриации.

Применительно к уровню индивидов эту мысль можно пояснить следующим образом. Историю делают люди, но не абстрактные («человек экономический», «человек рациональный»), а «отягощенные» собственным индивидуальным историческим опытом, который влияет на их мировосприятие, поведенческие установки, жизненные стратегии. Признание данного обстоятельства стимулировало интерес к биографическому методу в социологии, антропологии, истории, ориентированному на формирование взгляда на жизнь индивида в целом; на выявление взаимосвязи индивидуальной истории жизни и истории общества, социальной обусловленности жизненных путей индивидов; на осмысление интерпретационной активности акторов и реконструкцию их социального опыта и его смысловых структур.<sup>4</sup> Более того, была высказана мысль о необходимости в целях оптимизации «программ развития» (т. е. социальных трансформаций) опираться при их разработке на «словарь развития», учитывающий «жизненные истории» и конкретное осмысление индивидами «базовых потребностей в широком смысле слова».<sup>5</sup>

При этом нельзя все свести к биографии и биографическому методу, поскольку «биографии обычных людей непременно погружают в море повседневности», а «описание повседневной рутины в более или менее хронологическом порядке составляет один из центральных слоев всякого биографического повествования», которое обыкновенно сводится к «формулам и стереотипам расхожего политического или медиа-дискурса», где «доминирует жизненный цикл, путь, дорога и прочие

народный журнал социологических наук. 1991. № 1. С. 184–198; Гергилов Р. Е. Проблема индивидуализации в социологии М. Вебера и Н. Элиаса: сравнительный анализ // Социологический журнал. 2007. № 3. С. 108–123; Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 432–445.

<sup>3</sup> См.: New Perspectives on Historical Writing. Cambridge, 1993. P. 233–248; Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М., 2003.

<sup>4</sup> См.: Биографический метод в социологии: история, методология и практика. М., 1994; Бурдые П. Биографическая иллюзия // ИНТЕР. 2002. № 1. С. 75–81.

<sup>5</sup> Коеццы Я. Жизнь на периферии: потребность в промежуточных шагах на пути радикальной трансформации общества // Там же. С. 25–38.

метафоры индивидуальной жизни».<sup>6</sup> Как справедливо подчеркивает социолог В. Голофаст, для исследования социальных изменений необходимо «иметь определенный запас концептуальных схем, более или менее интегрированную систему взглядов на повседневность и ее изменение, выработанную, возможно, независимо от практики чтения биографий, чтобы в итоге научиться читать и проблематизировать биографические повествования», а также следует обращаться к анализу противостоящего обыденной жизни «макропорядка», организованного «силами разделения труда, разделения знания и рынков, бюрократическими иерархиями, привилегиями правящих элит, капитала и статуса».<sup>7</sup> Именно данный «макропорядок», по выражению В. Голофаста, образует то «сакрально-магическое пространство, где только и происходят все важные события».<sup>8</sup>

Рассмотрим некоторые концептуальные схемы, которые позволяют «вписать» человека в контекст социальных трансформаций «макропорядка» и оценить его вклад в их обеспечение, т. е. попытаемся сфокусировать внимание не на функциональных зависимостях, которые управляются анонимными законами, а на характеристиках деятельности, необходимой для «запуска» и поддержания трансформаций, которая может осуществляться вполне конкретными людьми — индивидуально или коллективно.

1. *Смена статуса.* Массовые социальные сдвиги, как правило, сопровождаются изменениями социального статуса, имеющими как объективное (улучшение или ухудшение материального или социального положения), так и субъективное выражение (трансформация идентичности; «эрозия» традиционной и генезис новой идентичности).<sup>9</sup> Понятно, что такие изменения имеют индивидуализированное измерение. Существенное внимание переживанию человеком смены своего статуса уделяли сторонники психоисторического подхода (признанными классиками являются Э. Фромм, Э. Эриксон),<sup>10</sup> делавшие акцент на изучение

«индивидуальной жизни комбинированными методами психоанализа и истории». Ключевое значение в рамках данного подхода приобретает стремление человека обрести самого себя, реализовать свои «истинные» потребности взамен разорванной целостности связей с природой — потребности в общении, познании, творчестве, преобразовании мира, ощущении собственных корней, уподоблении, или идентификации. Существенную роль при этом играет понятие кризиса идентичности, или чувства личной тождественности, которое связывается с резким изменением условий существования личности, обычным для эпохи социальных перемен, когда разрушаются прежние нормы, а людей охватывает беспокойство за свое будущее. Поиск признанного образца, кумира для подражания, отождествление себя с вождем, с государством как способ преодоления отчужденности личности, по мнению Э. Фромма, являлись главной социально-психологической причиной становления авторитарной личности и победы тоталитарных режимов.

Понятие «кризис идентичности» помогло Э. Эриксону сформулировать концепцию становления харизматического лидера-новатора. Суть ее заключается в следующем. Кризис идентичности по-разному переживается людьми, причем некоторыми — особенно остро. Будущие лидеры-новаторы переживают социокультурные конфликты особым образом — принимая творческие решения: сначала они учатся разрешать конфликты в малых группах, а затем, в силу своих качеств, они становятся безусловными авторитетами у своих последователей, олицетворением новой идентичности для широких слоев общества, поскольку решают проблемы, актуальные для масс, ждущих выхода из создавшегося тупика в условиях кризиса. Важно, что психоисторическая модель лидера-новатора предполагает диалектику структур и действий: с одной стороны, формирование лидера происходит под влиянием социальной действительности, с другой стороны, он оказывает влияние на социальный мир.

Оригинальную социально-психологическую концепцию становления «модерной личности» в связи с изучением предпринимательства и трансформаций социального положения группы предложил Э. Хаген. Ключевую роль в этой концепции играет понятие «выход

<sup>6</sup> Голофаст В. Повседневность в социокультурных изменениях (размышления читателя автобиографий и биографических интервью) // Там же. С. 67.

<sup>7</sup> Там же. С. 67, 68.

<sup>8</sup> Там же. С. 69.

<sup>9</sup> Например, см.: Антропология социальных перемен: сб. ст. М., 2011. С. 387–530.

<sup>10</sup> См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2006; Он же. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1998; Эриксон Э. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследо-

вание. М., 1996; Он же. Идентичность: юность и кризис. М., 1996; Демоз Л. Психоистория. Ростов н/Д., 2000.

за границы статуса», обусловленное утратой целой группой (местное сообщество, профессиональная группа, аристократическая элита и т. д.) своего статуса и возникновением разрыва между утраченным и новым статусом.<sup>11</sup> Автор критикует теории экономического роста, выдвинутые экономистами, за их неспособность объяснить ряд значимых модернизационных случаев, таких, например, как динамичное развитие Японии в XIX в. или Колумбии — в начале XX в. Оба случая, по мнению Э. Хагена, невозможно объяснить при помощи переменных экономического характера, на которых обычно акцентировали свое внимание исследователи-экономисты. В обоих случаях экономическое развитие, утверждает Э. Хаген, было обусловлено формированием прослойки предпринимателей, которая не возникает спонтанно в момент появления спроса, как полагали авторы экономических теорий.

Э. Хаген обратил внимание на непропорционально высокую долю самураев среди предпринимателей Японии. Что же касается Колумбии, то в этой стране среди предпринимателей непропорционально высоким был удельный вес выходцев из провинции Антиокья по сравнению с выходцами из столичной провинции Кундинамарка, более значимой в политическом и культурном отношении. При этом Э. Хаген отмечает общую черту, свойственную и самураям, и жителям провинции Антиокья: тех и других можно было считать деклассированными элементами. Опираясь на результаты анализа индустриального развития Японии, Колумбии и ряда других стран, Э. Хаген пришел к выводу, что коллективное деклассирование выступает в качестве одной из причин становления динамичной прослойки предпринимателей, поскольку представители деклассированных групп якобы одержимы идеей возвращения своего утраченного статуса.

Указанные исследования свидетельствуют о том, что ощущение дистанции между желаемым статусом и тем, который человек действительно имеет, могло играть активизирующую и мобилизующую роль в контексте социальных трансформаций, приводя в определенных условиях к смене поведенческих установок, к раз-

работке новаций и к сопротивлению ситуации, которая воспринимается как несправедливая.

**2. Внедрение инноваций.** В условиях социальных трансформаций возрастает значение деятельности, связанной с социальным обновлением, внедрением инноваций. Соответственно, расширяется потребность в людях, склонных к инновационному поведению, готовых принимать и создавать новации. Ученые разработали множество теорий, объясняющих инновационное поведение, в основе которого лежит стремление к восприятию нового (стремление к пассивным новым впечатлениям); готовность к изменениям в собственной жизненной ситуации; склонность к перемене своей деятельности, к созданию новшеств, к производству новых ценностей и смыслов.

Акцент на инновационность присущ теориям модернизации. Так, считается, что представитель традиционного мира пассивен и уступчив, он полагает, что природа и общество составляют неделимую целостность, и не верит в возможность изменять их или контролировать. «Модерный» же человек, напротив, верит в возможность и желательность изменений, он убежден в том, что человек может контролировать изменения ради достижения собственных целей.

Ряд работ по проблеме «модерный человек» подготовил А. Инкелес, пытавшийся выявить влияние модернизации на индивидуальные установки, ценности и образ жизни. Проведя исследования в Аргентине, Чили, Индии, Израиле, Нигерии, Пакистане, А. Инкелес обнаружил инвариантную модель «модерного человека», не зависящую от государственных границ. К характерным чертам современного человека, по мнению Инкелеса, можно отнести: 1) открытость по отношению к экспериментированию (современный человек готов заниматься новыми видами деятельности или изобретать новые технологии производства); 2) расширение независимости от авторитетов (современный человек не контролируется родителями, племенными вождями или «государями»); 3) вера в науку (современный человек верит, что люди могут завоевать природу, овладеть ею); 4) ориентация на мобильность (современный человек очень амбициозен, он стремится подниматься по профессиональной лестнице); 5) использование долгосрочного планирования (современный человек всегда планирует свою жизнь на много лет вперед и знает, что он должен завершить в следующие

<sup>11</sup> См.: Hagen E. E. How Economic Growth begins: A Theory of Social Change // Political Development and Social Change. N. Y., L., Sydney, 1966. P. 129–139; Idem. Structures sociales et croissances économiques. P., 1970. Вторая работа была основательно проанализирована Р. Будоном. См.: Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 100–111.

пять лет и т. д.); б) активность в сфере публичной политической жизни (современный человек по своей воле выбирает ассоциации и принимает участие в жизни местного сообщества).<sup>12</sup> Таким образом, готовность к новизне, к производству новаций выступала одним из важнейших параметров в модели «модерного человека» А. Инкелеса.

Инновационность как особенность «модерного» предпринимательства, отличающую его от «домодерного», известный американский экономический историк А. Гершенкрон объяснял неотделимостью современной промышленности от технологического и организационного прогресса.<sup>13</sup> При этом истинными инноваторами, как полагал ученый, были, конечно, немногие индустриальные предприниматели, первыми применявшие революционную, беспрецедентную технологию; большинство же «модерных» предпринимателей принадлежало к числу имитаторов, определявшихся Й. Шумпетером как «вторичная волна», функция которой заключалась в широком распространении новаций в промышленности. Но различие между инноватором и имитатором очень нечеткое. Каждая имитация также требует много энергии, чтобы преодолеть инерцию, отказаться от привычного способа создания продукта, вскрывает множество технических и экономических проблем, которые должны быть решены.

Один из способов внедрения инноваций связан с их переносом из одних обществ, обычно более продвинутых, в другие, как правило, менее развитые. Данный способ получил отражение в концепциях диффузии инноваций. Диффузию, т. е. распространение артефактов, технологий, практик, институтов, идей, следует считать универсальным механизмом не только социального развития, но и самого существования и функционирования общества. В ее основе лежит естественная способность человека подражать, действовать по образцам. Можно, вероятно, говорить о вертикальной диффузии (диахронной, транстемпоральной, исторической — от одного момента времени к другому, от эпохи к эпохе, от поколения к поколению) и горизонтальной (пространственной, географической — от места к месту, от региона к региону, от общности к общности и т. д.).

Проведенные исследования показали значимость диффузии инноваций в контексте российских модернизаций как на страновом,<sup>14</sup> так и на региональном уровнях.<sup>15</sup> Уральский материал свидетельствует против понимания диффузии как элементарного механического процесса. В действительности инновации, если они приживались, сопровождались адаптацией к существующим условиям, переосмыслением, вызвали подъемы творчества, дальнейшего технологического развития уже в определенной степени на местной основе. Естественно, многое при этом зависело от «человеческого фактора». Ярким примером мощного творческого всплеска может служить деятельность доменщика М. Орловского, благодаря которой в 1730-е гг. сложилась оригинальная школа уральских доменных мастеров, имевшая в качестве прототипа «олонецкую» школу, которая, в свою очередь, восходила к «шведской».<sup>16</sup>

Динамика и характер процессов диффузии инноваций существенно зависят от типов личности, доминирующих в обществе. Автор социологической теоретической модели диффузии инноваций Э. Роджерс выделил в качестве идеальных типов 5 категорий участников диффузии: 1) инноваторы, желающие испытать (применить) новые идеи (они должны обладать такими качествами, как дерзость, готовность к риску, ответственность за последствия своих действий); 2) «ранние заимствователи», более интегрированные, по сравнению с инноваторами, в социальную систему (это индивиды, стремящиеся к известности, успеху, уважению); 3) «раннее большинство» (эти люди принимают новые идеи быстрее,

динамика и характер процессов диффузии инноваций существенно зависят от типов личности, доминирующих в обществе. Автор социологической теоретической модели диффузии инноваций Э. Роджерс выделил в качестве идеальных типов 5 категорий участников диффузии: 1) инноваторы, желающие испытать (применить) новые идеи (они должны обладать такими качествами, как дерзость, готовность к риску, ответственность за последствия своих действий); 2) «ранние заимствователи», более интегрированные, по сравнению с инноваторами, в социальную систему (это индивиды, стремящиеся к известности, успеху, уважению); 3) «раннее большинство» (эти люди принимают новые идеи быстрее,

<sup>12</sup> См.: Inkeles A. Making Men Modern: On the Causes and Consequences of Individual Change in Six Developing Countries // Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. N. Y., 1973. P. 342–361.

<sup>13</sup> См.: Gershenkron A. The Modernization of Entrepreneurship // Modernization: The Dynamics of Growth. N. Y.; L., 1966. P. 249–251.

<sup>14</sup> См.: Алексеева Е. В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). М., 2007; Алексеев В. В., Нефедов С. А., Побережников И. В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2000. № 5–6. С. 152–183; «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М., 2009; Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. ст. М., 2010.

<sup>15</sup> Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII — начало XX в.). Екатеринбург, 2011; Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. Техно-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.

<sup>16</sup> Диффузия технологий... С. 83; Курлаев Е. А., Корепанов Н. С., Побережников И. В. Указ. соч. С. 102–117.

нежели основная масса социальной системы; они более осторожны, способствуют легитимации инноваций, хотя сами редко выступают в качестве лидеров); 4) «позднее большинство», следующее в процессе принятия инноваций за «средним большинством» социальной системы (для них принятие инноваций часто обуславливается социальным давлением или экономической необходимостью); 5) «увальники» (с подозрением относятся к инноваторам и агентам социальных перемен, являясь носителями традиционных ценностей; принимают социальные новации последними).<sup>17</sup>

Выдающийся современный польский социолог П. Штомпка, в свою очередь, идентифицирует 6 типов субъектов, инициирующих перемены: 1) отдельные люди, выступающие с инновациями; 2) субъекты изменений, выполняющие «инновационные роли»; 3) инновационные организации; 4) социальные круги новаторского характера; 5) социальные движения; 6) обычные люди.<sup>18</sup>

Дифференцированный подход при изучении «инноваторов» действительно продуктивен: он позволяет отойти от «объективистской» трактовки диффузионных процессов, фактически исключая из них человека. В целом, в исторических исследованиях человеческое измерение процесса разработки и распространения инноваций еще нуждается в углубленном изучении.

3. *Мобилизация на действия.* Под мобилизацией понимается активизация и концентрирование внутренних сил индивида или социальной группы на выполнение определенного рода задач; направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических, военных и прочих задач.<sup>19</sup>

Понятие мобилизации широко используется в модернизационном дискурсе, причем специалисты разных профилей (социологи, политологи, экономисты, психологи, историки) наделяют его различным содержанием. В широком смысле мобилизация (социальная) фактически отождествляется с социальной модернизацией, сопровождающей модерниза-

цию экономическую. Так, по мнению К. Дёйча, социальная мобилизация означает «всеобщий процесс изменения, которое касается значительных групп населения в странах, движущихся от традиционного к современному образу жизни».<sup>20</sup>

Это понятие, согласно К. Дёйчу, объединяет множество более частных изменений, таких как смена места жительства, занятий, коллективов, институтов, социальных установок, ролей, способов действия, опыта, ожиданий, а также личных воспоминаний, привычек и потребностей, включая потребность в новых моделях социализации и в новых образцах персональной идентичности. Раздельно, но еще больше в их кумулятивном воздействии, указанные изменения имеют тенденцию оказывать влияние на политическое поведение, а иногда даже способствующего трансформации.

Дёйч подчеркивает, что концепт социальной мобилизации не просто «заклучает в одни скобки» разноплановые социальные изменения, но предполагает их взаимосвязанность, совместное протекание в определенных исторических ситуациях и на конкретных стадиях модернизации. Например, такая форма социальной мобилизации, как включение в рыночные отношения и товарно-денежную экономику (и, следовательно, отход от натурального сельского хозяйства и бартерной экономики), должна, по мнению ученого, сопровождаться существенным ростом частоты имперсональных контактов, интенсификацией воздействия средств массовой информации, связи, изменением места жительства и т. д.

Пытаясь уточнить понятие социальной мобилизации, К. Дёйч определяет ее как процесс, в рамках которого «основные узлы прежних социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии или разрушаются и люди становятся подготовленными для новых образцов социализации и поведения».<sup>21</sup> Далее, ссылаясь на наблюдение Э. Шилза, К. Дёйч использует образы «мобилизации» и «фундаментальной демократизации» (в духе К. Маннгейма) для обозначения двух стадий социальной модернизации: 1) отказа от традиционных установок, привычек, обязательств, или ломки («как солдаты отрываются от своих домов и семейств и моби-

<sup>17</sup> См.: Rogers E. M. *Diffusion of Innovations*. Glencoe, 1962. P. 150.

<sup>18</sup> См.: Мертон Р. *Социальная структура и аномия* // Социологические исследования. 1992. № 3. С. 105.

<sup>19</sup> См.: Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. М., 1998. С. 185.

<sup>20</sup> Deutsch K. W. *Social Mobilization and Political Development* // *Political Development and Social Change*. P. 205, 206.

<sup>21</sup> Ibid. P. 206, 207.

лизуются в армию, в которой им предстоит служить»); 2) включения мобилизованных в относительно устойчивые новые модели группового членства, организаций, обязательств.

Понятие мобилизации используется также для объяснения возникновения и функционирования социальных движений. В данном случае акцент делается на мобилизацию ресурсов в пользу социального движения (таких, как преданные сторонники, лидерство, централизация власти, инкорпорированные организации, материальные ресурсы, идеология и т. д.). Сторонники данного подхода подчеркивают перспективность для движения включения в его ряды не разобщенных, «атомизированных» членов, а уже интегрированных в определенные организационные структуры (так, А. Обершалл отмечает, что «быстрая мобилизация невозможна, если организация создается из разобщенных и одиноких людей. Она возможна лишь в результате вовлечения объединений людей, которые уже хорошо организованы и готовы действовать сообща»<sup>22</sup>).

Наконец, понятие мобилизации употребляется для обозначения процесса, в ходе которого широкие социальные слои объединяются государством, партиями, социальными движениями для достижения общественных целей (модернизации). При этом «система мобилизации» представляется как совокупность согласованных ценностей, институтов, групп, организованных для достижения социетальных целей (создание нации-государства, индустриализация, осуществление экономического рывка и т. д.)<sup>23</sup>.

Как можно заметить, второе и третье определения связаны по смыслу, подразумевают определенное волевое вмешательство с целью ускорить процесс, придать ему размах, устойчивость, необратимость. Однако между ними есть и отличие: второе определение применяется к менее масштабным процессам, третье обретает социетальный масштаб, масштаб общества в целом.

История полна примеров политической, этнической, профессиональной и т. д. мобилизации. Наглядный пример профессиональной мобилизации представляет история российского старообрядчества. По мнению историка В. В. Керова, активная хозяйственная деятельность

староверов была обусловлена сознательным формированием установок, обеспечивавших мотивацию на успешное предпринимательство.<sup>24</sup> Теоретические построения Керова базируются на тезисе о том, что начальный период модернизации, как правило, сопровождался духовно-религиозным обновлением. Действительно, сопряженность «старой веры» и предпринимательства в России XVIII — начала XX вв. очевидна. По мнению В. В. Керова, активное включение старообрядцев в хозяйственную практику было обусловлено профессионально-этическими сдвигами, которые осуществились на основе развития положений православного богословия XVII в., реинтерпретации традиционных христианских текстов в новых социально-политических и социально-экономических условиях, следствием чего и стали новые профессиональные ценности, религиозность особого типа, которая характеризовалась активностью вероисповедания, строгостью в соблюдении религиозно-этических норм, преданностью профессиональным принципам, религиозным рационализмом, аскетизмом.

Начало мировоззренческой трансформации положил протопоп Аввакум, призвавший вместо пассивного ожидания Зверя, Антихриста, активно готовиться к наступлению Царствия Божьего, что предполагало деятельное обеспечение спасения собственных бессмертных душ и, что важнее, Веры и Церкви, вне которой невозможно индивидуальное спасение. Но созданные на периферии страны старообрядческие общезиждельства (типа Выгореции в Поморье) в тяжелых природных условиях оказались на грани физического выживания. Для спасения душ необходимо было создать достаточно эффективную хозяйственную основу в земном мире.

По мнению В. В. Керова, староверам удалось это сделать благодаря трансформации трудовой этики и складыванию уже в начале XVIII в. духовной концепции «труда благого», признавшей душеспасительным физический, в том числе интенсивный, труд; благодаря религиозному оправданию предпринимательства,

<sup>24</sup> См.: Керов В. В. «Се человек и дело его ...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004; Он же. Модернизационная практика старообрядчества и регионально-ориентированная модель модернизации России // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всерос. науч. конф., 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 75–84.

<sup>22</sup> См.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 595–602.

<sup>23</sup> См.: Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. Казань, 1997. С. 174.

в частности «купецкого дела», ранее считавшегося источником стяжательства и обогащения; благодаря формированию в начале XIX в. новой духовной концепции Дела, согласно которой старовер-хозяин ощущал себя не столько частным собственником, работающим для возрастания богатства, сколько организатором, несущим ответственность перед Богом и обществом, исполняющим личный христианский подвиг. Новая духовно-этическая концепция, по мнению В. В. Керова, ориентировала на предпринимательство «модерного» типа, способствовала складыванию новой деловой культуры, важнейшими компонентами которой стали личная честность и добросовестность, обязательный личный организаторский труд хозяина, личная ответственность за свое дело и своих работников, стремление к укреплению и развитию предприятия, ответственность предпринимателя перед сообществом и обязательность использования части результатов деятельности на нужды староверческой общины. Данный пример показателен, поскольку демонстрирует, что традиционная идеология может включаться в процессы модернизации, адаптироваться к ее потребностям, оказывать стимулирующее опережающее воздействие на развитие страны.

*4. Жизненные стратегии.* Концептуальная схема жизненных стратегий фокусируется на человеческой деятельности по достижению интересов. Уже предпринимались попытки создания теоретических интерпретаций жизненных стратегий, базирующихся на концепции рационального выбора. К их числу можно отнести «акторную модель» финского исследователя Т. Пиирайна, представляющую, по существу, попытку совместить модернизационную перспективу с деятельностным (акторным) подходом с целью объяснения перехода от плановой экономики к рыночной в постсоветской России.<sup>25</sup> Пиирайн считает, что именно рынок является универсальным и сложным механизмом, адекватным условиям современного общества. Он рассматривает либерализацию советского общества и утверждение рыночных отношений (marketization), запущенные перестройкой М. С. Горбачева, в контексте движения к более универсальным механизмам социальной интеграции (трактуемого как модернизация).

Базовый подход и основные концепции при формировании собственной теоретико-методологической модели изучения постсоветской модернизации Т. Пиирайн черпает из социологии М. Вебера и частично из более современной школы социологической мысли, которая обычно именуется теорией рационального выбора. Предлагаемый ученым подход сводится к выявлению основных путей и стратегий, которые люди используют, чтобы справиться с трудностями переходного периода. Теоретические схемы, описывающие поведение отдельных деятелей, например, упрощенные суждения неоклассической микроэкономики, полагает Т. Пиирайн, характеризуются универсальностью. В частности, их использование для изучения критических ситуаций, сопровождаемых разложением структур, представляется ученому вполне обоснованным и даже, возможно, единственно корректным. Центральным в рамках используемой Пиирайном модели является понятие оптимизации: предполагается, что акторы будут вести себя рационально, т. е. будут выбирать действие, которое «максимизирует» разницу между выгодами и затратами. Ключевой концепт в теоретико-методологической модели Т. Пиирайна — «стратегии» — связывает микроуровень отдельных акторов и макроуровень социальных структур.

В действительности вряд ли теорию рационального выбора возможно широко использовать в исторических исследованиях, поскольку она редуцирует тотальную сложность социальной жизни, сводя ее к понятиям экономического расчета и сделки, и объясняет лишь ограниченную область социальной жизни. Однако говорить о деятельности по достижению интересов (т. е. о жизненных стратегиях) можно применительно к разным историческим эпохам. При этом необходимо помнить, что жизненные интересы имели различную природу в разные периоды прошлого, что различалась значимость воздействующих на них факторов (расчет и оптимизация, ценности, традиции, аффекты — основные типы поведения, согласно известной схеме М. Вебера), а стратегии далеко не всегда являлись рациональными с современной точки зрения. Тем не менее, следует согласиться с М. М. Кромом, который, рассуждая о московской политике XVI в., признает присутствие «земных интересов, будничной рутины, логики момента» и т. п. в практических

<sup>25</sup> См.: Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures in Everyday Life. Helsinki, 1997.



шагах средневековой власти как внутри страны, так и во внешнеполитической сфере.<sup>26</sup>

В заключение следует признать колоссальную значимость человеческого измерения социальных трансформаций, «задаваемых» многочисленными действиями людей, в конечном итоге формирующими рисунок «становящегося» общества, подчеркивающими при этом его своеобразие. Опыт «делания» истории (и целенаправленного, и спонтанного) нуждается

поэтому в «окончательном анализе» именно на уровне человека, способном обогатить историческое знание гигантским объемом конкретных примеров эффективных, положительных или, напротив, негативных, разрушительных импульсов, реакций на них, взаимодействий технологических, экономических, институционально-политических, психологических структур и индивидуальных волеизъявлений.

Ключевые слова: *антропологический поворот, социальная трансформация, человек, модернизация, действие, индивидуальный выбор, биографический метод, статус, идентичность, инновация, социальная мобилизация, интерес, стратегия*

### **Igor V. Poberezhnikov**

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *pober@r66.ru*

#### MAN UNDER SOCIAL TRANSFORMATION CONDITIONS: CONCEPTUAL INTERPRETATIONS

The article offers a theoretical rationale for the problem of role and place of a person under the conditions of social transformations. It proves the relevance of making a conscious choice by the people during significant historical transformations, since it is the people who create a new social order, subject societies to major restructuring; a new society is formed as a collective result of individual choices and actions. The article also provides justification for taking into account the structural conditions (institutional order, mentality, socio-economic and ecological structures), and an individual person's rational choice and will potential, all of which under the social transformation context take the form of a dialectical interaction. Significant attention was paid to the tools used by the people for supporting historical change: change of identity; introduction of innovations; fulfillment of interests; social mobilization.

Keywords: *anthropological turn, social transformation, people, modernization, action, individual choice, biographical method, status, identity, innovation, social mobilization, interest, strategy*

#### REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Aberkrombi N., Hill S., Turner B. S. Kazan: Kazanskiy un-t, 1997, 420 p. (in Russ.).

Alekseev E. V. Moscow: ROSSPEN, 2007, 368 p. (in Russ.).

Alekseev V. V., Nefedov S. A., Poberezhnikov I. V. *Ural'skij istoriceski vestnik* (Ural Historical Journal). Yekaterinburg, 2000, № 5–6, pp. 152–183. (in Russ.).

*Antropologiya sotsialnykh peremen: sb. st.* (Anthropology of social changes: collected papers). Moscow: ROSSPEN, 2011, 758 p. (in Russ.).

*Biograficheskiy metod v sotsiologii: istoriya, metodologiya i praktika* (Biographic method in sociology: history, methodology and practice). Moscow: Institut sotsiologii RAN, 1994, 148 p. (in Russ.).

Broer Sh. *Mezhdunarodnyy zhurnal sotsiologicheskikh nauk* (International Journal of sociological sciences). 1991, № 1, pp. 184–198. (in Russ.).

Budon R. Moscow: Aspekt Press, 1998, 284 p. (in Russ.).

Burde P. *INTYER* (INTER). 2002, № 1, pp. 75–81. (in Russ.).

«*Byt russkim po dukhu i evropeytssem po obrazovaniyu*»: *Universitety Rossiyskoy imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy XVIII — nachala XX v.* («To be Russian on spirit and the European by training»: Universities of the Russian Empire in educational space of

<sup>26</sup> Кром М. М. К пониманию московской «политики» XVI в.: Дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // Одиссей: Человек в истории. 2005. М., 2005. С. 283–303.

- the Central and Eastern Europe of XVIII — the beginnings of the XX century). Moscow: ROSSPEN, 2009, 335 p. (in Russ.).
- Demoz L. Rostov-na-Donu: Feniks, 2000, 512 p. (in Russ.).
- Deutsch K.W. N.Y., L., Sydney, 1966, pp. 205–206. (in English).
- Diffuziya tekhnologiy, sotsialnykh institutov i kulturnykh tsennostey na Urale (XVIII — nachalo XX v.)* (Diffusion of technologies, social institutes and cultural values in the Urals (XVIII — the beginning of the XX century). Ekaterinburg: UrO RAN, 2011. 405 p. (in Russ.).
- Elias N. Moscow: Praskis, 2001, 336 p. (in Russ.).
- Elias N. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001, Vol. 1. 332 p.; Vol. 2: 382 p. (in Russ.).
- Erikson E. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond «Medium», 1996, 560 p. (in Russ.).
- Erikson E. Moscow: Progress, 1996, 344 p. (in Russ.).
- Fromm E. Moscow: AST, 1998, 672 p. (in Russ.).
- Fromm E. Moscow: MPSI, 2006, 248 p. (in Russ.).
- Gergilov R.Ye. *Sotsiologicheskii zhurnal* (Sociological Journal). 2007, № 3, pp. 108–123. (in Russ.).
- Gerschenkron A. N. Y., L.: Basic Books Inc., 1966, pp. 249–251. (in English).
- Giddens E. Moscow: Akademicheskii proekt. 2003, 528 p. (in Russ.).
- Golofast V. *INTYER* (INTER). 2002, № 1, pp. 67–74. (in Russ.).
- Hagen E. E. N.Y., L., Sydney, 1966, pp. 129–139. (in English).
- Hagen E. E. P., 1970, 557 p. (in English).
- Imperium inter pares: Rol transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917): Sb. st.* (Imperium inter pares: Role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917): collected papers). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 392 p. (in Russ.).
- Inkeles A. *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. N. Y.: Basic Books, 1973, pp. 342–361. (in English).
- Kerov V. V. Moscow: Ekon-Inform, 2004. 658 p. (in Russ.).
- Kerov V. V. *Tsivilizatsionnoe svoeobrazie rossiyskikh modernizatsiy: regionalnoe izmerenie: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 2–3 iyulya 2009 g.* (Civilizational originality of the Russian modernizations: regional measurement: materials of the All-Russia scientific conference, on July 2–3, 2009). Ekaterinburg: IIA UrO RAN; BKI, 2009, pp. 75–84. (in Russ.).
- Koetsy Ya. *INTYER* (INTER). 2002, № 1, pp. 25–38. (in Russ.).
- Krom M. M. *Odyssey: Chelovek v istorii* (Odysseys: Person in the history). Moscow, 2005, pp. 283–303. (in Russ.).
- Kurlaev Ye. A, Korepanov N. S., Poberezhnikov I. V. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2011, 204 p. (in Russ.).
- Merton R. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological researches). 1992, № 3, pp. 104–114. (in Russ.).
- New Perspectives on Historical Writing*. Cambridge: Polity Press, 1993. 254 p. (in English).
- Piirainen T. Helsinki: University Press, 1997, 256 p. (in English).
- Repina L. P. Moscow: Krug, 2011, 560 p. (in Russ.).
- Rittser Dzh. St. Petersburg: Piter, 2002, 688 p. (in Russ.).
- Rogers E. M. Glencoe: Free Press, 1962, 518 p. (in English).
- Shutova O. M. *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны* (Source study and special historical disciplines). Minsk: BDU, 2002, Vol. 1, pp. 106–121. (in Russ.).
- Smelzer N. Moscow: Feniks, 1994, 688 p. (in Russ.).
- Sotsiologicheskiiy entsiklopedicheskiy slovar. Na russkom, angliyskom, nemetskom, frantsuzskom i cheshskom yazykakh* (Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech languages) Moscow: NORMA, 1998, 488 p.
- «*Vvodya nrawy i obychai Yevropeyskie v Yevropeyskom narode*»: *K probleme adaptatsii zapadnykh idey i praktik v Rossiyskoy imperii* («Entering customs and customs European in the European people»: To a problem of adaptation of the western ideas and the practician in the Russian Empire). Moscow: ROSSPEN, 2008, 255 p. (in Russ.).